

С днем рождения, Мастер

Ком. № 9099 - 1991 - 15 М 99.

Из рукописи, которая не сгорела (фрагмент третьей редакции «Мастера и Маргариты»):

Лишь только неизвестные вывели из подворотни Никифора Ивановича Босого и в неизвестном направлении повели, странное чувство овладело душой председателя.

И даже трудно это чувство определить. Босому начало казаться, что его Босого более на свете нет. Был председатель Босой, но его уничтожили. Началось с ощущения униженности, потери собственной воли. И это очень быстро прошло. И шагая между двух, которые, как бы прилипли к плечам его, шли за ним, Босой думал о том, что он... он — другой человек. О том, что произошло что-то, вследствие чего никогда не вернется его прежняя жизнь. Не только внешне, но и внутренне. Он не будет любоваться рассветом как прежний Босой. Он не будет есть, пить и засыпать как прежний Босой. У него не будет прежних радостей, но не будет и прежних печалей. Но что же будет? Этого Босой не знал и в смертельной тоске изредка проводил рукой по груди. Грустный червь вился где-то внутри у его сердца и, может быть, этим движением Босой хотел изгнать его.

Неизвестные посадили председателя в трамвай и увезли его вдалеку — на окраину Москвы. Там вышли из трамвая и некоторое время шли пешком и пришли в безотрадные места к высочайшей каменной стене. Возсе не потому, что москвич Босой знал эти места, был наслышан о них нет, просто иным каким-то способом, кожей что ли Босой понял, что его ведут для того, чтобы совершить с ним самое ужасное, что могут совершить с человеком — лишить свободы.

Босой Никифор Иванович был тупым человеком. Это пора признать. Он не был ни любопытен, ни любознателен. Он не слышал музыки, не знал стихов. Любил ли он политику? Нет он терпеть ее не мог. Как относился он к людям? Он их презирал и боялся. Любил смешное? Нет. Женщин? Нет. Он презирал их вдвойне. Что-нибудь ненавидел? Нет. Был жесток? Вероятно. Когда при нем избивали, скажем, людей, а это, как и каждому, Босому приходилось чередко видеть в своей однообразной жизни, он улыбался, полагая, что это нужно.

Лишь только паскудная в десять человеческих ростов стена придвинулась к глазам Босого, он постарался вспомнить, что он любил. И ничего не вспомнил, кроме клеенчатой скатерти на столе, а на этой клеенке тарелку, а на тарелке голландскую селедку и плавающий в мутной жиже лук. Но тут же в медленных мозгах Босого явилось о том, что, что бы ни случилось с ним за этой стеной, сколько бы он ни провёл за нею времени, был ли бы он там...

(Далее листы вырваны).

На снимке: Михаил Афанасьевич БУЛГАКОВ и Елена Сергеевна БУЛГАКОВА. Москва, середина 1930-х годов.

(Читайте 4-ю стр.).